

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж83

Художник *Ирина Сальникова*

Фото автора на переплете — *Антон Лялин*

Жужа Д.
Ж83 Очень страшно и немного стыдно : [рассказы] / Жужа Д. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 412, [4] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-111231-8

Жужа Д. — писатель, художник и сценарист. Окончила Академию им. С.Г. Строганова, много путешествовала, жила в Лос-Анджелесе и Париже, затем переехала в Лондон и осталась там надолго. Автор книги “Резиновый Бэби”, постоянный автор проекта “Сноб”. Ее рассказы часто становятся сценариями к фильмам: “Мама. Святой Себастьян” (2016), “Я — иду” (2018), “Изменения в жизни одной особы” (в производстве).

Героиня новой книги Жужа Д. — рыжеволосая девушка без имени и биографии. Она все время попадает в странные ситуации — гуляет ли по скалам в Ирландии, целится ли из ТТ в Фиделя Кастро в Гаване или просто идет на свидание к незнакомому мужчине в Лондоне. Хитросплетения сюжета удивляют кинематографической точностью, будто сама Жужа была в центре всех этих событий — или исподтишка наблюдала за ними: оказаться пойманной — страшно, смотреть — стыдно.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111231-8

© Жужа Д.
© ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

Мистер Дом	7
Примите наши искренние извинения	35
Номер с видом на озеро.....	94
Померанский шпиц.....	121
Квайдан	139
Свидание. Лондон.....	159
Шеймус	182
Происшествие в пустыне, далеко на юге	198
<i>Patria o muerte</i>	239
Брюссель	263
Мама. Святой Себастьян	294
Стокгольм	306
Сакура.....	317
Тело	345
Пусть все будет так, как ты захочешь	386
Она, сад и ее садовник	397

МИСТЕР ДОМ

Home, Sweet Home.

Мистер Одли проснулся от резкой боли в животе, вскрикнул и сел в кровати. Неприятное ощущение вспыхнуло и ушло, но Одли долго не решался пошевелиться, чтобы оно не вернулось. Сидел неподвижно, потом все же прилег, прислушиваясь к тому, что происходит у него внутри. Мистеру Одли в прошлом апреле исполнилось пятьдесят девять лет, он все еще был вполне интересным мужчиной — крупный, вальяжный, с плотной волной волос, граненым носом и чувственным ртом. Овал лица уже подпортили небольшие брыли, но рост и развернутая грудь, безусловно, говорили о породе.

Он осторожно повернулся со спины на бок, чтобы видеть окно — там, в паутине деревьев, небо протыкали иглы парламентских башен. Еще не рассвело,

Жужа Д.

значит, нет и шести, решил мистер Одли, а завтрак Балтон подаст только в восемь. Хотелось бы еще поспать. Он подтянул одеяло до самого носа, закрыл глаза и постарался думать о чем-то приятном — вспомнил детство и отдых с матерью на Корфу, где несколько лет подряд семья снимала огромную виллу и вся пенинсула была в их полном распоряжении.

Воспоминания о Греции всегда помогали ему успокоиться. Там он был абсолютно счастливым мальчиком. Помнил сад, где к воде сбегали каменные ступени, и рощу припудренных олив в мелких серебристых листьях. Растянутые под ними сетки и редкой красоты лиловые амариллисы, которые распускались в конце лета, а через неделю исчезали, не оставляя после себя даже травы. И, конечно же, звонкое бирюзовое море.

На самом острове мыса, перед домом, где к небу тянулись пинии, на солнце грелись три гладкоствольные пушки. Они вросли в свои постаменты, словно мидии в камни, и маленький Одли играл с ними, представляя себя морским офицером. Стоял с подветренной стороны и кричал, срывая голос:

- Ба-та-рея, шаржируй...
- По команде... без кар-ту-за... за-ря-жай!
- Бань пу-шку!
- По ма-чте фор-вар-да!
- Наво-дить в подошву мачты!
- Один сна-ряд...
- Ого-о-онь!

Приставив ладонь ко лбу, наблюдал, как один за другим уходят ко дну корабли неприятеля, потом нырял в воду, пытаясь спасти затонувшие вражеские сокровища, плавал до дрожи, до синих губ и икоты, а потом, обхватив чугун тонкими руками, грелся на раскаленном пушечном боку.

Семья никогда не покидала территории своей виллы, и только по дороге из порта и обратно Одли успевал разглядеть бедные домики греков с каменными давилнями для оливок, игрушечные беленые церкви и грязные рынки.

Мать он помнил молодой статной женщиной с высокой грудью и пухлыми руками.

Ее запах, улыбка, мягкая манера двигаться — все это осталось с ним, но вот голос ее он забыл, и никак не вспоминалось то ласкательное имя, которым она его называла. Будучи мальчиком нежным, он все хотел обнять ее, или погладить, но боялся, угадывая в этом желании что-то нездоровое, и потому стыдился.

Последним летом в Греции она вдруг превратилась в большую пузатую бабу, и ему сообщили, что скоро у него появится братик или сестричка. Был организован срочный переезд в Лондон, а потом случилось страшное: перед родами его увезли к тетке в Аскот, а по возвращении мать и новорожденную девочку уже похоронили. Вечерами сквозь слезы он слышал, как слуги ругали нерешительного доктора, а толстая горничная Бетти все повторяла:

Жужа Д.

“Он, дурак, все лысину свою чесал, а мы кровь тазами таскали”. Маленькому Одли казалось, что мама и неизвестная девочка захлебнулись в этой откуда-то взявшейся крови.

Сам он детей решил не заводить. Ходил пару раз в женихах, но так ни на что и не решился.

И вот уже много лет после смерти отца жил один в огромном доме по улице Лорд-Норт, недалеко от Вестминстерского аббатства, за церковью Святого Иоанна. Дом принадлежал семье с 1849 года, тогда его приобрел предок по материнской линии, и сейчас имело смысл его продать — слишком дорого выходило обслуживание, но мистер Одли никогда бы на это не пошел, не видел никакого другого места в Лондоне, где все было бы таким родным. Он всей душой любил этот дом, здесь каждая вещь, звук и даже запах были связаны с кем-то из рода Одли или Дрейков. Иногда неделями из него не выходил, перебирал фотографии, старые документы, листал расходные книги или разбирал библиотеку, собранную не одним поколением. Здесь до сих пор невидимо жили все те, что окружали его с раннего детства. Дом заменил ему ушедших родителей. Одли привык к нему так, что волновался, даже если двигали мебель, чтобы почистить ковры или отциклевать полы. Как улитка, живущая в раковине и присоединенная к ней мышцей, он всем телом прирос к этому старому, большому дому.

Думая обо всем этом, Одли почти задремал, как вдруг в нем опять что-то шевельнулось, напомнило о недавней боли. Он открыл глаза и больше спать уже не мог. Осторожно спустился в кухню, попытался приготовить себе горячего шоколада — вчера в “Таймс” он прочитал статью о том, что содержащиеся в шоколаде химические вещества способствуют выработке в организме гормонов счастья и что с его помощью можно поднимать настроение и даже снимать боль. Статья была написана убедительно, пестрела формулами, терминами на латыни, из которых Одли узнал только кофеин.

На звон посуды проснулся Балтон, вышел из своей комнаты с сеткой на голове, хлопая заспанными глазами. И, как ни уговаривал его мистер Одли, опять лечь отказался, а наоборот, накинув халат, поднялся на второй этаж, разжег в библиотеке камин и, вернувшись, принялся хлопотать на кухне сам, бубнил, что все равно уже хотел вставать, и выпроводил Одли наверх.

Несколько дней все шло без каких-либо изменений, но однажды за обедом, когда Одли ткнул ложку в свой любимый рисовый пудинг, сильный рвотный спазм сжал его желудок, содержимое с силой рвануло наверх, хлынуло в горло, и он, зажимая салфеткой рот, едва добежал до гостевого туалета. В раковину выплеснулся весь обед, причем такими крупными кусками, словно у мистера Одли отсут-

Жужа Д.

ствовали зубы, хотя, как ему казалось, он всегда все тщательно пережевывал. Спазмы повторялись, движение массы вверх по пищеводу вызвало новый приступ, но, выталкивая из себя содержимое, желудок не останавливался, а все скручивался, словно его стискивали железной пятерней. Во рту мистера Одли стало невыносимо горько от желчи. Балтон принес слабосоленой воды, Одли, передергиваясь, пил ее большими глотками, а желудок вновь выталкивал жидкость с остатками еды наружу. Когда, кроме воды, из него уже ничего не выходило, Одли перестал пить, но дойти сумел только до дивана в библиотеке. Балтон помог ему перебраться в спальню, уложил в кровать, принес грелку с горячей водой и позвонил доктору. Желудок мистера Одли долго еще ныл от тех конвульсий, словно был растянут и отбит.

Доктор попросил до конца дня ничего не есть, а весь следующий день пить только рисовый отвар. Если рвоты больше не будет, посидеть с неделю на сдержанной диете, последить за стулом, ежедневно измерять температуру, звонить ему, если что-то пойдет не так, а когда к мистеру Одли вернутся силы, зайти в клинику и сдать анализы.

Из кладовки притащили старые напольные весы для муки — Одли взвесился и обнаружил, что за прошедшие после ежегодного осмотра пять месяцев он потерял девять с половиной фунтов. То-то он замечал, что ремень застегивается на нем на две дыр-

ки раньше прежнего, но думал, что это признак хорошего метаболизма и, как следствие, — отличного здоровья.

Все последующие дни мистер Одли спал плохо. Может быть, оттого что мало двигался и часто дремал днем, но ночи превратились в одно сплошное мучение. Он вертелся с боку на бок, то накрывался, то скидывал с себя одеяло и к концу недели понял, что, несмотря на то что желудок больше не болит и во рту нет неприятного вкуса желчи, несмотря на строгую диету — он ел теперь только куриную грудку, белую рыбу на пару, овощи, запеченные в духовом шкафу, и протертые супы, отказался от кофе и сигар, — в целом он нездоров. В нем завелась гадкая неведомая болезнь.

В понедельник Балтон принес от доктора направления, несколько дней пришлось потратить на анализы, а в пятницу мистер Одли уже сидел во врачебном кабинете, сверкая глазами, под которыми появились темные круги от недосыпа. Его знобило от слабости, и он, сдерживая нетерпение, зарывался подбородком в шарф и ждал, когда доктор прочтет чужие каракули и успокоит его.

Наконец доктор закончил, стыдливо поджал нижнюю губу и посмотрел на мистера Одли:

— Паниковать не стоит. Но, судя по всем признакам, у вас тениаринхоз.

— Простите?

Жужа Д.

— В вашей крови замечены незначительные отклонения от нормы: умеренная лейкопения, неустойчивая эозинофилия... Общая слабость, анемия, — доктор замолчал, чтобы набрать в себя воздуха для окончания фразы. — Все это подтверждает наличие у вас паразитического червя, так называемого гельминта. — Помолчал и добавил: — Извините.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что у вас тениаринхоз, возбудителем которого является бычий цепень. Бы-чий це-пень.

Доктор, пряча глаза, полез в стол и начал шарить там руками.

— Объясните мне толком, как это могло случиться? — мистер Одли недовольно сморщился.

— Индивидуум заражается тениаринхозом при употреблении в пищу зараженного мяса, — скороговоркой опять начал доктор, его голос был похож на звук, синтезированный компьютером. — При попадании личинки в пищеварительный тракт паразит выворачивает свой протосколекс и с помощью присосок прикрепляется к слизистой оболочке. Тут же начинается процесс стробилиации, результатом чего становится формирование члеников стробилы.

Мистеру Одли на минуту показалось, что доктор вовсе не человек, а усталая машина с шевелящимися губами.

— Вы можете объяснять понятнее? — мистер Одли нетерпеливо постучал ребром ладони по столу.

Доктор кивнул и сказал нарочито громко, растягивая слова:

— В верх-нем от-деле вашей тон-кой киш-ки пара-зитирует гель-минт.

Мистер Одли помолчал, попробовал переварить эту новость, внимательно рассматривая свои руки, сложенные замком.

— И что же делать?

— Лечение тениаринхоза долгое время считалось задачей довольно непростой. Поскольку все применяемые раньше препараты обладали повышенной токсичностью, вызывали нарушение функций различных органов, но теперь, к счастью, появилась новая методика — гельминта можно убить электромагнитным излучением. Сия процедура вызывает непременную гибель паразита и гарантирует совершенную безболезненность и безопасность для больного.

Мистер Одли отвернулся к окну — слова “убить” и “гибель” вызвали у него неприятные чувства. Неужели нельзя было выразиться иначе? Доктор перестал возить руками в столе. Одли повернулся к нему.

— И сколько, вы думаете, это уже продолжается?

— Да судя по всему, уже несколько лет.

— Господи.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Хотя внутри у вас половозрелая особь, но, слава богу, мы не обнаружили подвижность его члеников.

В этой фразе доктора прозвучало здоровое превосходство, и мистер Одли поспешил его перебить.